

почты Шацка (1920-е гг.), строительной бригады (1930-е гг.).

В разделе «Библиография» представлены источники и исследования по истории края, в том числе помещённые на страницах «Рязанской энциклопедии» и районной периодической печати («Труды Рязанского исторического общества», «Отчёты о деятельности Тамбовской учёной архивной комиссии», «Историко-стати-

стическое описание Тамбовской епархии», «Тамбовские епархиальные ведомости»).

Книга об истории Шацкой земли глубоко патриотична и без малейшего сомнения будет полезна краоведам, учителям, работникам культуры, учащимся и студентам, всем, кто любит свою Родину, дорожит ею и интересуется её прошлым.

А.И. Фролов

B. Isitt. From Victoria to Vladivostok: Canada's Siberian Expedition, 1917–19, Vancouver: UBC Press, 2010. 352 p.*

В монографии Бенджамина Айситта, молодого канадского учёного со степенью PhD, доцента университета Британской Колумбии, впервые в канадской военной историографии затронуты проблемы, связанные с деятельностью канадских сибирских экспедиционных сил (CSEF) на территории Советской России в 1917–1919 гг. В период подготовки этого труда автор трижды был в России (в 2008, 2009 и 2012 гг.), изучил более 2200 архивных и неопубликованных документов, проехал по Транссибирской железной дороге от Владивостока до Урала, исследовал исторические материалы в Кемерове, Иркутске, Омске, Владивостоке, а также в Монголии и Китае.

В ходе своего исследования канадский ученый впервые обнаружил архивные документы, свидетельствующие о событии почти 90-летней давности (о нём замалчивали по причине цензуры) – состоявшемся 21 декабря 1918 г. в Виктории бунте франко-канадских военнотружеников во время их погрузки и отправки в Россию. Этот эпизод стал центральным в монографии Б. Айситта, состоящей из двух частей. Первую из них он посвятил описанию процесса подготовки канадских властей к интервенции, одновременно показав противодействие этому франко-канадской общественности, левых политических сил и военнотружеников, призванных по закону о всеобщей воинской повинности

1917 г. и направляемых воевать в чужую страну за британские интересы. Во второй части книги речь идёт о нахождении во Владивостоке канадского воинского контингента из 4200 человек (конец октября 1918 г. – конец мая 1919 г.) и о возвращении их в Канаду. Существенно дополнили научный труд карты и редкие фотографии того времени.

Особое внимание автор уделил выяснению причин участия CSEF в защите британских интересов на Дальнем Востоке после подписания 11 ноября 1918 г. Компьенского перемирия. Необходимость военного присутствия экспедиционных сил Канады на российской территории, по мнению автора, отпадала сама собой. Тем более, как сейчас известно, контакты о ведении мирных переговоров начались задолго до этого: 5 октября 1918 г. Германия обратилась к президенту США В. Вильсону с просьбой начать переговоры об условиях перемирия.

Б. Айситт назвал следующие главные причины интервенции Канады в Советскую Россию: содействие канадского правительства Р.Л. Бордена в поддержании геополитических интересов Великобритании на Востоке (сопротивление усиливающемуся влиянию Японии и США в этом регионе); участие в возможном территориальном или экономическом разделе удалённого от центра и ослабленного российского региона; приближающийся раздел России

* *Aйситт Б.* Из Виктории во Владивосток: сибирская экспедиция Канады, 1917–1919. Ванкувер: Университет Британской Колумбии, 2010. 352 с.

на «красную» большевистскую и «белую» колчаковскую части; возможность эвакуации остальной части находящегося в Сибири золотого запаса Российской империи, в счёт кредитных долгов Великобритании за поставку царскому правительству оружия, боеприпасов и военного имущества для ведения войны с Германией; перспектива получения «торговой ниши», оставленной в России компаниями Германии вследствие её поражения в войне. Неслучайно автор обращает внимание читателя на то, что перед отправкой экспедиционного корпуса в Россию канадское правительство 21 октября 1918 г. создало Сибирскую экономическую комиссию во главе с торговым уполномоченным Д.Л. Уилгрессом, а Королевский банк Канады открыл своё отделение во Владивостоке. Туда из Ванкувера для дальнейшего развития банковской деятельности 28 ноября 1918 г. были отправлены конструкции 57-тонного готового здания банка, которые, однако, так и не использовали, хотя банк работал до октября 1919 г.

Как пишет Б. Айситт, прибывшие канадские подразделения разместились в пригороде Владивостока в трёх пунктах: в «Восточных бараках» залива «Горностай», на «Второй речке» и в бухте «Золотой Рог», где была организована школа для белогвардейских офицеров. Так как местное население поддерживало большевиков и постоянно находилось в конфликте с иностранными интервентами, канадцы чувствовали себя на осадном положении: в город выходили только группами, с заряженным оружием и примкнутыми к винтовкам штыками, а при патрулировании не покидали главных улиц. Кроме того, в связи с распространившимся во Владивостоке сыпным тифом им запрещалось посещать кафе, кинотеатры и ездить в трамваях.

Канадские войска пробыли на Дальнем Востоке России несколько месяцев и практически ни разу не участвовали в серьёзных сражениях (отдельные стычки с партизанами на железной дороге и под деревней Шкотово сложно назвать боевыми операциями). Фактически подразделения CSEF лишь охраняли склады во Владивостоке и эшелоны с союзническими грузами, направлявшимися с Дальнего Востока в Сибирь.

Тем не менее, по мнению исследователя, нахождение CSEF во Владивостоке в течение зимы 1918/19 г. способствовало более активной дипломатической деятельности как британского Форин-офиса среди своих союзников, так и канадской делегации во главе с премьер-министром Р.Л. Борденом – на Парижской мирной конференции. Всё это позволило Канаде добиться отдельного от Великобритании представительства при заключении Версальского мирного договора (в одном ряду со странами-победительницами), принять участие в разработке Устава Лиги Наций, стать её учредителем, а также членом Международной организации труда. Поэтому, утверждает автор, первая канадская интервенция сделала Канаду автономной от Великобритании в решении внешнеполитических задач, обозначив путь к дальнейшей суверенизации. С другой стороны, не нашедшая понимания в широких кругах канадской общественности интервенция в Сибирь явилась одним из важнейших факторов роста недовольства политикой консервативного правительства Р.Л. Бордена, способствовала росту рабочих выступлений во многих городах Канады, апофеозом которых стала всеобщая Виннипегская забастовка в мае–июне 1919 г.

Несмотря на увлекательное изложение материала, самой слабой, на мой взгляд, оказалась шестая глава рецензируемого издания, в которой охарактеризован период нахождения канадских войск во Владивостоке. Здесь уделено значительно больше внимания действиям Владивостокского правительства К. Суханова, японских и американских войск, нежели описанию полицейских функций канадцев, боровшихся с сочувствующими партизанам местными жителями (недовольными положением и действиями иностранных интервентов), а также обеспечивавших работу Канадской экономической комиссии и функционирование Королевского банка Канады. По словам исследователя, в канадских подразделениях больше занимались организацией спортивных соревнований, медицинских профилактических мероприятий (после эпидемии испанского гриппа в Канаде) и выпуском газет, чем выполнением задач, ради которых они прибыли на российскую территорию.

Кроме того, Б. Айситт обуславливает причины отправки канадского контингента назад в Канаду только соответствующим решением правительства Р.Л. Бордена, хотя очевидно, что в первую очередь это было связано с полным провалом ранее запланированной миссии в России.

Несмотря на высказанные замечания, рецензируемая книга интересна и

познавательна. Отрадно, что Б. Айситт, понимая важность представления для российского читателя канадского взгляда на короткий, но весьма насыщенный период в истории Страны Советов, любезно согласился опубликовать свою работу на русском языке.

И.А. Соков

К.Г. Боленко. Верховный уголовный суд в системе российского правосудия (конец XVIII – начало XIX века). М.: Новый хронограф, 2013. 528 с.

Рецензируемая монография представляет собой комплексное, обобщающее исследование, потребность в котором ощущалась давно. Ведь тема возникновения, функционирования и эволюции высшего судебного органа по делам о государственных преступлениях напрямую связана не только с общей проблемой самодержавия как политической системы, но и с конкретными вопросами об адаптации к условиям России концепции «законной монархии» и соотношении политической, юридической и социальной составляющих в процессе институционализации суда.

Стремление автора дать целостное представление о Верховном уголовном суде, выявить его место в механизме авторитарного правления потребовало рассмотрения данного феномена на нескольких уровнях – юридической и политической мысли, правосознания, а также действующего законодательства и правовой практики. Поэтому вполне логично включение в аналитическо-компаративный ряд преобразовательных проектов по созданию Верховного уголовного суда высших судебных процессов 1764, 1771, 1774–1775, 1826, 1832–1834, 1849 гг. и оценок современниками данного института.

Всё это придаёт монографии новаторский характер. До последнего времени история Верховного уголовного суда не являлась темой отдельного монографического исследования. Статья Н.М. Корневой об этом осталась неопубликованной и не вошла в широкий научный оборот¹, литература о Верховном уголовном суде ограничивалась небольшими статьями

в справочных и энциклопедических изданиях, посвящённых российской государственности. В обобщающих трудах и учебных пособиях по истории российского государства и права Верховный уголовный суд или совсем не упоминался, или изучался фрагментарно, главным образом в связи с судебным процессом 1826 г.² Его изучение методологически базировалось на «декабристской версии»³, причём сами декабристоведы долгое время видели в нём только отражение репрессивной политики самодержавия, а не государственно-правовой институт, рассматривали следствие и суд над членами «Тайного общества» как единый процесс (с. 26–27). Лишь в начале XXI в. появились работы, свидетельствующие о том, что пришло время их раздельного рассмотрения как государственных учреждений⁴. Тогда же были опубликованы труды правоведов, которые начали разработку данного круга вопросов⁵. К.Г. Боленко совершенно справедливо связывает эти явления с «политической ангажированностью темы», канонизацией ряда идей, в первую очередь идеи расправы, а также методологическим застоём (с. 42, 43). Более того, автор, которому пришлось идти почти по целине, ставит вопрос о необходимости обновления методологического аппарата при целостном анализе Верховного уголовного суда (с. 36, 49). Вслед за ним необходимо отдать себе отчёт в том, что историографическая традиция судебного процесса по делу декабристов, основанная на концепции расправы, исчерпала себя. Наблюдаемый же сегодня научный и